

Алексей Лукьянов,
писатель

Наш человек в Париже

Двухсотлетие Гоголя отмечать решили отчего-то в Париже. До сих пор не знаю, по какому критерию отбирали гостей, но мне повезло, я попал в делегацию русских писателей. Визы и паспорта мы должны были получить в аэропорту перед вылетом. История абсолютно не выдуманная. Единственная вольность, которую я себе позволил, — изменить фамилии персонажей.

Иркутский писатель Шаталов впервые потерялся ещё в России.

Он решил, что его встретят в Шереметьево-1, дабы вручить загранпаспорт с визой, но его там никто не ждал. Шаталов хлопнул коньяку, чтобы не сильно нервничать, и отправился в Шереметьево-2, но как выглядит связной и каковы его позывные, иркутянину было неизвестно. Он всё ждал и ждал, а его всё не узнавали и не узнавали, и тогда он жахнул ещё.

На счастье ли, на беду ли, мне было известно, как выглядит Шаталов. Просто успел разглядеть фотографию в его загранпаспорте, пока наш связной перебирала документы в поисках моего аушвайса. Я подошёл к Шаталову, сиротливо сидящему на чемодане у зоны регистрации, и успокоил, мол, делегация тут, мы вместе. И это решило нашу судьбу: Шаталов приклеился ко мне и не отлипал до самого Парижа.

В самолёте Шаталов развязал галстук, и монолог его потёк свободно, как Ангара в половодье — он только-только вошёл в первую стадию опьянения. Он сказал, что читал мои рассказы, и даже сдержанно похвалил, рассказал, что сам писатель и поэт, поведал об успехах на творческом и личном фронтах, сказал, что знает модного писателя и редактора Круассанова и даже получил триста тысяч за дебютную книгу.

Шаталов то и дело прикладывался к плоской бутылке с коньяком, купил маленький пузырёк у стюардессы, выпил на брудершафт с каким-то случайным земляком и в приступе глубочайшей отеческой любви спрашивал у меня, как я живу. Я смущался корифея, отвечал коротко и односложно, чем вызывал всё большее уважение у Шаталова. Иркутянин признался, что солгал мне, и что я пишу полное говно, но отчего-то заинте-

